

Сегюр Софья Федоровна

Записки осла

Повесть для детей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
С68

С68 **Софья Федоровна С.**
Записки осла: Повесть для детей / Сегюр Софья Федоровна – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 350 с.

ISBN 978-5-519-85151-0

ISBN 978-5-519-85151-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

МАЛЕНЬКОМУ МОЕМУ ГОСПОДИНУ.

Г Е Н Р И Х У С Е Г Ю Р У.

—

Хотя вы, мой маленькой хозяинъ, всегда были милостивы ко мнѣ, но такъ какъ сужденіе ваше объ ослахъ отзывалось вообще какимъ то презрѣніемъ, то для лучшаго ознакомленія васъ съ ними, рѣшился я написать и посвятить вамъ эти записки. Изъ нихъ вы увидите, любезный мой хозяинъ, всю несправедливость людей въ обращеніи ихъ, какъ со мною бѣднякомъ, такъ равно и съ пріятелями моими ослами, осленками и ослицами. Вы усмотрите изъ нихъ, что и у насъ есть свой природный умъ и свои прекрасныя ка-

I.

РЫНОЕЪ.

Такъ какъ люди не нуждаются въ тѣхъ свѣдѣнiяхъ, которыя необходимы для ословъ, то и вы, читатель мой, не знаете также того, о чемъ извѣстно было каждому изъ прiятелей моихъ, ословъ, а именно, что въ городѣ Леглѣ, по вторникамъ производилась всегда продажа овощей, масла, яицъ, сыра, фруктовъ и другихъ прекрасныхъ вещей. Вторники эти были днями мученiй для бѣдныхъ товарищей моихъ; страдалъ и я отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока бабушка ваша, а моя старая барыня, у которой живу еще и теперь, ~~не купила меня на одномъ изъ этихъ рынковъ!~~ До того же времени ~~принадлежалъ~~ я одной строгой и злой аренда-торшѣ. Вообразите себѣ, маленькiй мой баринъ, до чего она была зла: яйца, масло, сыръ, овощи—фрукты, короче, все, чтò добывалось ею въ продолженiе недѣли отъ куръ, коровы и огородовъ, укладывала она въ корзины и навьючивала на меня. Не припимая въ соображенiе, что подъ бременемъ подобной ноши едва могъ я волочить свои ноги, злая женщина сама еще усаживалась на меня и ударами кнута погоняла бѣжать

на рынокъ, въ городъ Легль, отстоявшій отъ фермы нашей на цѣлую милю. Каждый разъ досада овладѣвала мною, но я не осмѣливался выказывать ее, потому что боялся хозяйки: у нея была претолстая палка, и когда она пускала ее въ ходъ, то удары чувствительно отзывались на мнѣ. Каждый разъ, когда видѣлъ я приготовленія къ походу на рынокъ, или слышалъ о нихъ, то вздыхалъ, стоналъ и даже ревѣлъ, въ полной надеждѣ умиловить господъ своихъ.

— Да перестанешь ли горлапить, лентяй ты этакій? говорила она, приходя за мною: — перестанешь ли ты оглушать насъ своимъ грубымъ ревомъ? Ги-ганъ! ги-ганъ! Ну, что это за мѣзыка... Юлій! гей, ты, сынишка! подведи-ка этого лѣвитя къ окну да помоги мнѣ навьючить его!... вотъ такъ! Давай же сюда корзинку съ яйцами!... вотъ и ту еще... Ну, теперь сыръ, масло овощи. Экая славная пошла! Да, она выручитъ намъ непременно нѣсколь-ко рублевиковъ... Маруся, принеси-ка, дочепька, сѣдло мое. Вотъ славно, такъ славно!.. Ну-съ, теперь прощайте! Какъ начну попукать я этого лѣнивца... Вотъ какая и дубинка-то у меня! Ну-ка, вотъ тебѣ для начала:

Панъ! панъ!

Какъ поподчую я тебя вотъ нѣсколько разъ, такъ пойдешь у меня. '

Палочные удары сыпались на бока, ноги и шею мою; я пускался сперва маленькою рысью, потомъ въ галопъ, но арендаторша не переставала колотить меня. Подобная несправедливость и жестокость приводили меня въ негодование; я попробоваль-было лягать ногами, чтобы повалить на землю свою хозяйку, но, будучи сильно навьюченъ, могъ только прискакивать и переваливаться то направо, то налево. Наконецъ удалось-таки мнѣ свалить ее съ сѣдла.

— Ахъ ты злодѣй этакій! глупая скотина! упрямый осель! погоди, будешь меня помнить; сейчасъ проучу тебя.

И въ самомъ дѣлѣ, она такъ отваляла меня, что я едва дотащился до города. По приѣздѣ, сняла она съ избитой спины моей всѣ корзинки и поставила ихъ на землю; потомъ, привязавъ меня къ столбу, отправилась завтракать, а мнѣ, бѣдняку, умиравшему отъ голода и жажды, не дала ни клочка сѣна, ни капельки воды. Вотъ въ отсутствіе ея подобрался я къ овощамъ, да и давай-себѣ опоражнивать корзинку съ салатомъ и капустой. Въ первый разъ въ жизни случилось мнѣ такъ слав-

но пообѣдать; когда доѣдалъ я послѣдніе листки салата и капусты, хозяйка моя вернулась ко мнѣ. Увидя пустую корзинку, она вскрикнула отъ ужаса, я же посмотрѣлъ на нее съ такимъ дерзкимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самодовольнымъ видомъ, что она догадалась тотчасъ же о моемъ преступленіи. Не стану повторять всѣхъ бранныхъ словъ ея. И въ добромъ-то расположеніи духа не отличалась она никакими утонченными выраженіями, а какъ, бывало, разсердится, то наговоритъ такихъ вещей, что хоть святыхъ унеси вонъ. На унизительную брань ея я отвѣчалъ только тѣмъ, что принялся облизывать свои губы и повернувшись къ ней спиною; она же, схватя палку, принялась ~~бить меня~~ да такъ немилосердо, что я, наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія и три раза лягнулъ ее: первый ударъ попалъ ей по носу и зубамъ, второй достался по рукѣ, а третій прямо въ брюхо, да и повалялъ ее на земь. Человѣкъ двадцать бросились на меня, кто съ палками, кто съ бранью. Хозяйку мою унесли куда-то, а меня оставили у столба, возлѣ котораго разставлены были привезенныя мною вещи. Простоявъ довольно долгое время и видя, что никто не обращаетъ на меня ни малѣйшаго вниманія, принялся я сперва уничтожать вторую корзинку

съ прекрасными овощами, потомъ, перегрызя зубами свою веревку, побрелъ-себѣ потихоньку домой.

Попадавшіеся мнѣ на встрѣчу люди удивлялись тому, что я шелъ одинъ.

— Гляди-ко, вонъ идетъ какой-то оселъ съ оборванною веревкою! Вѣрно сбѣжалъ откуда-нибудь, говорилъ одинъ прохожій.

— Ну-такъ это бѣглый каторжникъ, сказалъ другой.

И всѣ принялись хохотать.

— Нечего сказать, не тяжела же ноша его! возразилъ третій.

— Ужъ вѣрно онъ что-нибудь да напроказилъ, закричалъ четвертый.

— Поймай-ка его, голубчикъ, сказала какая-то женщина: — да посадимъ на него мальчугана нашего.

— Да онъ и тебя вмѣстѣ съ нимъ свезетъ, отвѣчалъ ей мужъ.

Желая дать хорошее понятіе о своей кротости и снисходительности, я подошелъ самъ тихонько къ крестьянкѣ и остановился возлѣ нея для того, чтобы она могла взобраться на меня.

— Оселъ-то, кажись, не сердитый, сказалъ мужикъ, подсаживая жену свою на меня.

Услышавъ это, я улыбнулся изъ состраданія. Сердитый!.. Да видано ли, чтобы ослы сердились. когда съ ними обращаются хорошо? Тогда только становимся мы злы, непослушны и упрямы, когда люди побоями и бранью своею выводятъ насъ изъ терпѣнія. А обращайся они съ нами ласково, такъ увидали бы, что мы такая же добрая тварь, какъ и прочія животныя, да, пожалуй, еще и лучше иныхъ.

Я довезъ до дому молодую женщину и сынишка ея, прехорошенького мальчика, лѣтъ двухъ, который ласкалъ меня, находилъ меня прелестнымъ и хотѣлъ бы оставить меня при себѣ. Однако я разсудилъ, что это было бы нечестно съ моей стороны. Вѣдь не они, а мои хозяева меня купили, слѣдственно я принадлежу имъ однимъ. Отколотивши же носъ, зубы, руки и животъ хозяйюшкѣ моей, я считалъ себя довольно отомщеннымъ. И такъ, замѣтя, что мать начинала сдаваться уже на просьбы балованнаго сына своего, я сдѣлалъ скачокъ въ другую сторону, и прежде чѣмъ успѣла она схватить меня снова за узду, пустился бѣжать отъ нея и вернулся къ себѣ домой.

Маруся, хозяйская дочь, прежде всѣхъ увидала меня.

— А! вотъ и Кадишонъ пришелъ. Что это онъ такъ рано вернулся домой? Юлій, сними-ка сѣдло съ него.

— Проклятый осель! вѣчно нужно возиться съ нимъ, сказалъ Юлій грубымъ голосомъ.—Да отчего же вернулся онъ одинъ? Бьюсь объ закладъ, что, просто, онъ убѣжалъ. Этакая мерзкая тварь! прибавилъ онъ, толкнувъ меня ногою:—ужь если-бы я зналъ навѣрняка, что ты убѣжалъ, такъ отчиталъ бы тебѣ сотню палокъ!

Лишь только освободили меня отъ сѣдла и узды, какъ я побѣжалъ рысью въ огородъ; но едва успѣлъ войти въ него, какъ раздались отчаянные крики съ фермы; высунувъ свою голову черезъ заборъ, я увидѣлъ, что арендаторшу привезли домой и что дѣти ревѣли изъ всѣхъ силъ. Я сталъ прислушиваться къ словамъ Юлія, и вотъ что говорилъ онъ отцу своему:

— Батюшка, возму-ка я большой каретный кнутъ да привяжу сперва осла къ дереву, а потомъ примусь драть его до тѣхъ поръ, пока онъ не свалится у меня съ ногъ.

—Иди, дитятко мое, только не заколоти его до смерти, а то, пожалуй, пропадутъ даромъ деньги,

которыя мы за него заплатили. На слѣдующей же ярмаркѣ я сбѣду его съ рукъ.

Услыша слова эти и увидя Юлія, бѣжавшаго за кнутомъ въ конюшню, я задрожалъ всѣмъ тѣломъ и, не думая болѣе о потерѣ хозяйскихъ денегъ, пустился прямо къ плетню, который отдѣлялъ меня отъ полей, и рванулъ съ такою силою, что поломалъ вѣтви и перелѣзъ черезъ нихъ. Долго носился я по полямъ, воображая себѣ, что меня все еще преслѣдуютъ; наконецъ, выбившись изъ силъ, остановился и сталъ прислушиваться—не слышать ничего. Я взобрался на пригорокъ и сталъ смотрѣть — не видать никого. Тогда вздохнулъ я свободно и порадовался, что избавился отъ злыхъ фермеровъ.

«Но, спросилъ я самъ себя: «что же теперь будетъ со мною? Оставайся я въ той же деревнѣ меня узнаютъ, поймаютъ и снова приведутъ къ хозяевамъ. Что же дѣлать? Куда бы идти?»

Посмотрѣвъ вокругъ себя и увидѣвъ свое одиночество и несчастье, я принялся—было плакать; но вдругъ замѣтилъ, что нахожусь при самомъ входѣ въ прелестный Сен-Еврультскій лѣсъ.

«Какое счастье! воскликнулъ я. «въ этомъ лѣсу найдется для меня и мягкая мурава, и вода, и свѣ-

жій мохъ. Поживу—ка я здѣсь нѣсколько дней, потомъ пущусь въ другой лѣсъ, далѣе, какъ можно далѣе отъ фермы моихъ хозяевъ.

Войдя въ лѣсъ, поѣлъ я съ наслажденіемъ сочной травы и напился воды изъ прекраснаго источника. При наступленіи ночи улѣгся я на мохъ подъ тѣнью старой сосны и проспалъ спокойно до слѣдующаго утра.

II.

Погоня.

Проснувшись, наѣвши и напившись до-сыта, сталъ я размышлять о моей счастливой судьбѣ.

«Ну, миновалась теперь бѣда моя, думалъ я про-себя: «хозяевамъ не отыскать уже болѣе меня; денька два отдохну я здѣсь, а потомъ отправлюсь далѣе въ путь.»

Едва я успѣлъ окончить свое разсужденіе, какъ раздался вдали лай сперва одной собаки, потомъ другой, а наконецъ и цѣлой стаи. Испугавшись, соскочилъ я съ мѣста и бросился, въ сильномъ волненіи, къ тому маленькому ручейку, который замѣтилъ еще поутру. Вдругъ раздался голосъ Юлія, говорившаго собакамъ своимъ:

— Ну-ну, собаки, ищите—ка хорошенько этого